

Б.Н. Александровский

**Из пережитого в чужих
краях**

**Воспоминания и думы бывшего
эмигранта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б.Н. Александровский
Б11 Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта / Б.
Н. Александровский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 374 с.

ISBN 978-5-458-52376-9

Автор книги - человек нелегкой и сложной судьбы. Совсем молодым он покинул родину и 27 лет прожил в разных странах. Как практикующий врач, он близко знал самые различные круги русской эмиграции. Все, что он пишет об их жизни, подкупает непосредственностью личных наблюдений. Б.Н. Александровский характеризует различные общества и землячества, группировки и организации эмигрантов. Интересны его размышления о эмиграции, о ее трансформации в годы второй мировой войны, сведения о зачастую трагических судьбах многих деятелей русской культуры, некогда утративших родину, имена и творчество которых лишь отчасти знакомы советским читателям.

ISBN 978-5-458-52376-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

произошло бы всего того, что произошло, и, конечно, «большевикам совсем плохо пришлось бы...».

Некоторые эмигрантские псевдоисторики гражданской войны обвиняли во всем Антанту: она якобы недостаточно щедро и энергично поддерживала белые армии материально. А не поддерживала потому, что на их знаменах было написано: «Великая, единая, неделимая Россия», каковой Антанта боялась будто бы пуще огня. Окажи она им более энергичную финансовую и техническую помощь, «большевики были бы раздавлены...».

Участник белого движения Штейфон, генерального штаба генерал-майор, бывший долгое время начальником штаба генерала Кутепова, а впоследствии командир гитлеровского «охранного корпуса», уничтожавшего югославских партизан, в изданных им в эмиграции мемуарах выдвинул свою «теорию»: белые армии потерпели поражение только оттого, что в их организации не был соблюден принцип «регулярства», короче говоря, они не были свободны от «партизанщины». Будь они построены по образцу царской армии, столь любезной для его сердца, «от большевиков одно воспоминание осталось бы...».

Невозможно перечислить все эти «теории», родившиеся в эмиграции и тщетно пытавшиеся вывернуть наизнанку историческую правду. Авторы их, исписавши многие тонны бумаги и опорожнив чуть ли не целые бочки чернил, ни на один миллиметр к этой правде не приблизились.

Настоящие мои воспоминания не имеют целью изложение истории эмиграции в целом и рассмотрение всех вопросов, относящихся к ее возникновению, долголетнему существованию и постепенному умиранию. Они только материал для этой истории.

Быть может, будущий историк найдет в них что-либо заслуживающее его внимания,

И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет...

Поэтому я остановлю внимание читателя на том, из каких элементов состояла русская послереволюционная эмиграция, прошедшая перед моими глазами за 1920—1947 годы.

Первыми по времени появления за рубежом были те эмигранты, которые представляли собою обломки рухнувшего царского самодержавия, — петербургская и царско-сельская титулованная аристократия и высшее чиновничество. К этой же группе можно отнести провинциальное дворянство и крупное провинциальное чиновничество. Эмиграция дворянской и феодальной знати, как известно, есть закономерное явление для всех революций вообще, начиная с французской буржуазной революции 1789 года.

Вторым слагаемым в общей сумме русской послереволюционной эмиграции были представители торгово-промышленного и финансового мира. Появление их за рубежом было одним из специфических последствий Октябрьской революции, положившей конец эпохе капитализма в нашей стране.

Третьим слагаемым было офицерство. Оно в свою очередь делилось на две части, глухо враждовавшие между собой: старое кадровое офицерство царской армии и так называемые «офицеры военного времени», то есть недоучившиеся студенты и разночинцы со средним образованием, мобилизованные во время войны 1914—1918 годов и направленные в школы прапорщиков, откуда они выходили через четыре месяца с первым офицерским чином. К концу первой мировой войны их общее количество выражалось шестизначным числом, причем многие из них дослужились до чина штабс-капитана.

«Офицеры военного времени» составляли к концу войны основную массу командного состава действующей армии, занимая должности младших офицеров и ротных командиров, реже — командиров батальонов. Они-то и образовали в 1917—1920 годах ядро белых армий Алексея Деникина, Врангеля, Колчака, Каппеля, Миллера, Юденича и три года подряд «делали» гражданскую войну. А когда пришел закономерный конец этим армиям, бежали за границу и в течение четверти века были там наиболее активными антисоветскими элементами и тем резервуаром, откуда белые генералы Кутепов, Миллер, Туркул черпали людской материал для диверсионной и шпионской работы на территории СССР.

Появление в эмиграции этой категории военнослужащих не было неизбежным. Нельзя забывать, что лучшие представители старого офицерства и генералитета, а также офицеров военного времени отдали весь свой опыт и

все свои специальные знания на службу молодой Советской республике и с первых же дней рождения Красной Армии сделали многое для ее организации и укрепления боевой мощи. Имена их хорошо известны советским людям.

Их было очень много. Но все же большинство царских кадровых офицеров армии и флота перешло после Октябрьской революции в стан ярых врагов Советской власти и оставалось в нем до бесславного конца своих дней на чужбине.

Что же отбросило их в этот стан?

На этот вопрос можно дать вполне определенный ответ: потеря ими специфических привилегий, присущих замкнутой офицерской касте царских времен. Каста эта почитала себя высшей из всех существующих. Превосходство ее над всеми остальными слоями общества вбивалось в голову будущим офицерам начиная с начальных классов кадетских корпусов и юнкерских училищ.

Первый удар этой идеологии был нанесен Февральской революцией. Октябрьская революция прикончила ее.

Рука об руку с белым офицерством во все периоды гражданской войны шла реакционная часть казачества. Она в свою очередь пополняла ряды эмиграции, хотя и не проявляла такой политической активности, как предыдущая группа.

Но если революция нанесла сокрушительный удар привилегированному положению всех перечисленных категорий и отбросила их в антисоветский эмигрантский лагерь, то пребывание в нем представителей либеральной интеллигенции нельзя назвать иначе как недоразумением, притом таким недоразумением, которое было порождено только политическими ошибками этой интеллигенции и больше ничем.

Что заставило этих людей, идеология значительной части которых была построена до революции на служении народу, бежать от народа, когда он взял власть в свои руки? Как могло случиться, что земские врачи, агрономы, оперные и драматические артисты, учителя народных училищ, журналисты из провинциальных газет, инженеры, художники, музыканты, ученые, студенты очутились в том лагере, основная масса которого состояла из их вчерашних врагов?

Ведь подавляющая часть либеральной интеллигенции была пасынком дореволюционного общества и находилась

под подозрением у носителей власти в эпоху царского самодержавия.

Единого ответа на эти вопросы дать нельзя, но указать на некоторые общие причины этого явления можно.

Все эти люди не поняли революцию. А не поняли они ее потому, что, будучи широко образованными во многих отраслях человеческих знаний, они были совершенными младенцами в одной из них, а именно в социологии. Эта часть интеллигенции, оставшаяся в стороне от истинного и подлинного революционного движения, не имела никакого представления о законах развития человеческого общества. Историческая закономерность классовой борьбы ей была неизвестна. Об учении Маркса она знала только понаслышке, а чаще совсем ничего не знала и не слышала о нем. В революции эти интеллигенты увидели нечто вроде «очередной смены министерства» по образцу западноевропейского парламентаризма. Распропагандированные вожаками буржуазно-демократических партий, они поверили, что длительность жизни этого «министерства» измеряется неделями, самое большее месяцами и что потом «все придет в норму».

Они бежали от голода, холода, разрухи, потери минимального комфорта городской жизни, сделав ложный вывод, что эти бедствия составляют специфическую особенность революции, не отдавая себе отчета в их подлинных причинах и в том, что сами они своим неприятием революции только способствуют затяжному существованию этих бедствий.

Не меньшее, если не большее значение для тогдашней психологии этих людей имело и то обстоятельство, что с революцией они утратили свое положение «интеллектуальной аристократии». Ведь они самонадеянно полагали, что именно им принадлежит монопольное право духовного руководства русским народом. Делиться этим правом с народом они не пожелали.

Но конечно, не беспомощность в теоретических вопросах социологии была главным фактором, приведшим эту часть интеллигенции к эмиграции. Ведь добрая сотня миллионов людей из всего трудового населения бывшей Российской империи была в этих вопросах еще более беспомощна, а кроме того, малограмотна или даже совсем безграмотна. И тем не менее с первых же дней революции

трудоу народ уверовал в нее и безошибочно определил, где и на чьей стороне историческая закономерность и правда, а где безумные попытки повернуть вспять ход истории.

Было еще одно обстоятельство, которое привело определенную часть интеллигенции в 1919 и 1920 годах к пристаням Севастополя, Одессы, Архангельска, Владивостока. Заключалось оно в том, что значительные ее слои при всем своем либерализме и демократической настроенности были гораздо крепче связаны с буржуазией, чем с подлинным народом, то есть с рабочими и крестьянами. Многие представители интеллигенции находились в прямой материальной зависимости от крупной буржуазии и государственного аппарата царской России. Поэтому октябрьский переворот они восприняли как катастрофу и для себя. При этом они сделали совершенно ложный вывод, будто бы переход власти в руки народа угрожает не только их благополучию, но и самому их существованию, и сразу же бросились в объятия белогвардейщины, видя в этом варианте контрреволюционной борьбы единственную возможность избавления от созданных их испуганным воображением несуществующих бед, якобы уготованных им в случае окончательной победы революции.

Несколько забегаю вперед, я скажу, что эта часть интеллигенции, испив до конца горькую чашу испытаний, выпавших на ее долю во время долголетнего пребывания за границей, первой во всем русском зарубежье полностью осознала всю нелепость своего отрыва от родного народа, первой полностью признала свои ошибки. Многие из них, окончательно порвав с прежними колебаниями и сомнениями, воссоединились с родной землей и родным народом.

Тут я должен сделать некоторое отступление.

Поставив своей целью при опубликовании настоящих воспоминаний рассказать советскому читателю о всем том, что за 27 лет моего пребывания за рубежом в качестве эмигранта глаза мои видели и уши слышали, я менее всего хотел при этом говорить о себе самом, полагая, что ни моя персона, ни моя личная судьба не могут представлять для читателя какой-либо особенный интерес. Тем не менее полностью обойти молчанием эту тему нельзя, так как иначе многое в моем дальнейшем повествовании будет для читателя неясным, а частично и совсем непонятным.

Поэтому я прерываю рассказ о севастопольской эвакуации 1920 года и приступаю к изложению кратких сведений о себе.

Моя колыбель — в Москве, на Первой Мещанской, в детской больнице святой Ольги, где мой отец состоял врачом и где я провел первые шесть лет своей жизни.

Идут последние, заключительные годы прошлого века.

После смерти отца, которого я потерял, будучи шестилетним ребенком, начались скитания по частным квартирам и жизнь бедной интеллигентской семьи, кормившейся за счет скудного заработка моей матери, учительницы музыки в двух московских женских институтах. Вскоре после этого — московская 6-я гимназия, наградные книги при переходе из класса в класс «за отличные успехи и отличное поведение» и золотая медаль при окончании.

Потом — медицинский факультет Московского университета: Моховая, Девичье поле, университетские клиники. Весной 1916 года — диплом «лекаря с отличием».

На следующий день после получения диплома и подписания так называемого «факультетского обещания» (письменная врачебная присяга) — отправка на фронт. Леса и болота Белоруссии, окопная жизнь, работа полкового врача и — в конце войны — сухая и лаконичная запись в послужном списке: «В составе полка участвовал во всех походах и боях против австро-германских войск с такового числа по такое-то...»

Там же на фронте — Февральская и Октябрьская революции. Демобилизация. Снова Москва. Экстернатура в одной из университетских клиник. Как будто осуществление юношеской мечты: клиническая и научная карьера в родном и любимом городе, среди друзей и подруг детства, отрочества, юности и рядом с родными могилами предков, таких же коренных москвичей, как и я сам.

Однако дальше жизненный фильм начинает крутиться совсем не так, как это рисовалось юношескому воображению.

В самом конце 1918 года — врачебная мобилизация в Красную Армию и отправка на Южный фронт в «Группу войск курского направления». Как в калейдоскопе проходят Воронеж, Валуйки, Купянск, Сватово, Луганск, Донбасс. Я прикреплен к 4-й Красной партизанской ди-

визии имени Дыбенко сначала в качестве главного врача полевого подвижного госпиталя, которого еще нет и который нужно создать, позже в качестве помощника дивизионного врача.

Постепенно партизанский облик «Группы», отражавший революционный пафос беднейших крестьян Курской, Воронежской, Харьковской губерний и донбасских горняков, начинает заменяться организационными нормами регулярной армии. «Группа» переименовывается в 10-ю армью, а 4-я партизанская дивизия — в 42-ю стрелковую дивизию. Но в военном отношении она еще не успела окрепнуть.

Деникины и Краснов нажимают с фронта и флангов. Белые дивизии, обильно оснащенные английской техникой, вытесняют нас с подступов к Ростову и из Донбасса. Во фронте образуются бреши. Английские полевые гаубицы деникинских артиллеристов косят красных бойцов. Конница Улагая, Шкуро и Мамонтова заходит глубоко в тыл отступающих красных дивизий. Дальше — потеря связи со штабом дивизии и с соседними частями, окружение и плен.

Всю вторую половину 1919 и 1920 год вплоть до эвакуации из Крыма я провожу на территории юга России, занятой деникинской, а затем врангелевской армией, в качестве военнопленного врача. Меня прикрепляют то к лечебным учреждениям военных контингентов этих армий, то для лечебной и профилактической работы среди гражданского населения.

Когда Красная Армия в конце октября 1920 года прорывает горлышко «крымской бутылки» и начинается агония врангелевской армии, белое начальство объявляет принудительную посадку на корабли всего находящегося в его распоряжении медицинского персонала для сопровождения раненых и больных белых офицеров и солдат, несколько тысяч которых грузят на какие попало суда, чуть ли не на шхуны, для эвакуации в Константинополь.

Наступает 15 ноября 1920 года. Последний взгляд на Севастополь, Сапун-гору, Малахов курган, Северную сторону и... палуба «Херсона».

Надолго ли я покидаю родную землю?

В тот момент казалось — ненадолго, на каких-нибудь пять-шесть недель.

Вместо этих пяти-шести недель — двадцать семь лет...

Вот и вся краткая фактография первых двадцати шести лет жизни автора настоящих воспоминаний.

Читатель вправе задать себе вопрос: объясняет ли она сама по себе неизбежность вышеописанной посадки и сам факт эмиграции?

Нет, конечно, никак не объясняет.

Да, посадка для медиков была принудительная, иначе и быть не могло при тех обстоятельствах. И все же при наличии твердой решимости остаться во что бы то ни стало на родной земле ее можно было избежать, даже принимая во внимание некоторый риск для жизни, обусловленный законами военного времени и приказами белого командования.

Но именно решимости в тот момент у автора настоящих воспоминаний и не было. А не было ее потому, что в те времена он не был свободен от некоторых из тех интеллигентских шатаний, колебаний и сомнений, о которых сказано выше. Эти колебания были порождены всем мирозерцанием той среды, в которой он родился, и той атмосферой, в которой он рос и воспитывался. На этом мирозерцании и на этой атмосфере следует задержать внимание читателя.

Еще в самые ранние детские годы я всегда находился под впечатлением той особенности нашей жизни, что каждый раз, когда старшие собираются вместе — или у нас в доме, или в гостях, или на прогулках, или еще где-нибудь, они непременно начинают что-то страстно обсуждать, спорить, волноваться, шуметь и кричать до хрипоты. Вскоре я постигаю и смысл этих бурных словоизвержений: все члены нашей семьи и все, кто бывает в нашем доме и у кого мы сами бываем, ругают царя и царское правительство, словесно разносят в пух и прах самодержавный строй, произносят страстные речи о необходимости свергнуть это правительство, созвать какую-то непонятную «учредилку» и устроить какую-то мудреную «конституцию», при которой все будут свободны, счастливы и довольны.

Это длилось годами. Однако дальше громких и прекрасных слов дело не шло. Во всем моем тогдашнем окружении, состоявшем исключительно из представителей столпной интеллигенции — врачей, педагогов, музыкантов, адвокатов, журналистов, не было ни одного человека, который на деле включился бы в активную революционную

борьбу и оказал бы какие-либо реальные услуги революционному движению.

Декабрьские события 1905 года застали меня во втором классе гимназии (соответствующем четвертому классу советской средней школы). Речи вокруг меня сделались еще более громкими и зажигательными, противоправительственный пафос — еще более сильным. Когда была созвана I Государственная дума, мы, 12-летние подростки, уже читали газеты «от доски до доски», восхищаясь противоправительственными речами оппозиционных лидеров, имели среди них своих любимцев, сами лезли в примитивные политические дискуссии с инакомыслящими сверстниками, если они изредка попадались в нашей среде.

Последующие годы столыпинской реакции еще более подогрели эти настроения.

В этой атмосфере ненависти к самодержавному строю, царившей в нашей семье и окружавшей меня среде, прошли мои детство, отрочество и юность. Но за этим совершенно искренним пафосом отрицания существовавшего строя и за идущей от чистого сердца идеологией бескорыстного служения народу не крылось никакой позитивной программы. Считалось, что единственной политической целью данной эпохи должно быть свержение самодержавия и созыв Учредительного собрания.

А дальше?

Предполагалось, что дальше сами собою потекут молочные реки в кисельных берегах и что мы подобно чековским героям «увидим небо в алмазах».

Ну, а как же все-таки быть с народом — слово, которое не сходило с уст либеральных глашатаев народных свобод. С тем самым народом некрасовской Руси, а потом столыпинской России, над печальной судьбой которого мы совершенно искренне проливали горькие слезы?

С народом, как нам тогда казалось, все будет обстоять отлично: хозяйственным мужичкам надо будет прирезать некоторое количество удельной и помещичьей земли и открыть для них чайные без подачи спиртных напитков, а для рабочих построить бесплатные амбулатории и устраивать воскресные чтения на темы, что такое электричество, молния и гром, в чем заключались реформы Петра Первого и какие растения произрастают под тропиками.

Вот и все, что требовалось для народного счастья, по понятиям той политически пассивной части интеллиген-

ции, о которой я веду речь. Вот и вся позитивная программа прекраснодушная российских маниловых, составлявших очень значительную часть либеральной интеллигенции, в среде которой я родился, воспитывался и вырос, верхушка которой была для меня и моих сверстников и сотоварищей по воспитанию и образованию высшим политическим авторитетом.

Истинных желаний, надежд и чаяний народа мы не знали, хотя мысли наши были обращены к этому народу ежедневно и ежечасно. В подавляющем большинстве мы даже и разговаривать-то с ним как следует не умели. И это несмотря на то, что сами мы в конечном счете вели свое происхождение из толщи этого самого народа и что никто из нас, наших родителей и наших предков никогда не был ни помещиком, ни фабрикантом, ни торговым предпринимателем или еще кем-либо эксплуатирующим чужой труд.

Громадному большинству этой части интеллигенции, стоявшей в стороне от подлинных революционных борцов — марксистов, было присуще некоторое самолюбование и гордое сознание того, что она — «элита» и что только с ее помощью народ добьется своего освобождения. А о том, что народ в один прекрасный день завоюет свободу совершенно самостоятельно, не спрашивая разрешения у «элиты», и будет устраивать свою судьбу так, как найдет нужным, никто из этой «элиты» не думал. В ее среде казалась ересью мысль, что народ имеет равные с «элитой» права на Бетховена, Чайковского, Рембрандта, Шекспира, Дарвина, Ломоносова, на все завоевания человеческого гения, на все достижения науки и техники.

На таком фоне у этой части интеллигенции и выросли в эпоху Октябрьской революции сомнения в том, не запла ли революция чересчур далеко и не угрожает ли она ей, «элите», в ее «монопольном праве» на руководство духовной жизнью народа, а кстати, и самому ее существованию?

Эти сомнения и колебания, подогреваемые и раздуваемые вождями либерально-буржуазных партий, и привели в конечном счете многие тысячи российских дореволюционных интеллигентов к эмиграции.

Чтобы закончить повествование о причинах, по которым в эмиграции наряду с махровыми реакционерами из аристократического, военного, чиновничьего и торгового-про-